

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

УДК 93/94(57)
EDN HEABKR

Научная статья

СООТНОШЕНИЕ МОРАЛИЗАТОРСТВА И ОПИСАТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ (результаты сплошного цифрового анализа известных текстов)

С. А. Чернышов

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Россия
1502911@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются результаты сплошного цифрового корпусного анализа Сибирских летописей для ответа на исследовательский вопрос о соотношении описательно-повествовательных и концептуально-морализаторских дискурсов в них. Потенциал традиционных способов решения этой исследовательской задачи исчерпан, консенсусные выводы давно сделаны. Однако существенным пробелом современного сибиреведения является отсутствие исследований, связанных с цифровым (математическим) анализом текстов Сибирских летописей.

Материалы и методы. За основу для исследования были взяты тексты Сибирских летописей из классического издания, подготовленного Императорской археографической комиссией в 1907 г. Тексты были оцифрованы и подверглись технической обработке. Для систематизации лексем нами была разработана система семантических категорий, в основе которой лежат традиционные представления о структурно-содержательных характеристиках Сибирских летописей.

Результаты исследования и их обсуждение. На основе текстометрического анализа, который в отношении Сибирских летописей проводится впервые, делается вывод, что в этом корпусе текстов в основном доминируют повествовательный характер изложения, сдержанное и сбалансированное описание героев (в том числе противника) и событий. В целом частотность описательных лексем и словоформ во всех летописях (даже Ремезовской) в 4 — 5 раз выше, чем в религиозных и идеологических, что позволяет скорректировать традиционно сложившееся представление о структурно-содержательном характере «Сибирских летописей». Ярко выраженной «государственнической» позиции нет ни в одной из групп летописей, даже термин «царь» употребляется в них чаще по отношению к Кучуму, чем к Ивану Васильевичу и Федору Ивановичу вместе взятым. Не являются Сибирские летописи и «москвоцентричными» текстами — ни в одной из летописей нет доминирования этих дискурсов.

Закключение. Сплошной цифровой корпусный анализ Сибирских летописей позволил сделать несколько исследовательских выводов, отчасти подтвердив, а отчасти опровергнув традиционные дискурсы о структурно-содержательном характере этих текстов. В контексте соотношения повествовательности и морализаторства Сибирские летописи можно охарактеризовать в целом как тексты описательного характера, сдержанные и сбалансированные по тону повествования, с некоторым доминированием религиозно-церковных дискурсов в Ремезовской летописи.

Ключевые слова: Сибирские летописи, Ермак, Кучум, Строгановы, присоединение Сибири, математические методы в истории

Финансирование: исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-5529.2021.2 «Присоединение Сибири как общерусский дискурс: цифровой анализ системообразующих идей сибирских летописей».

Для цитирования: Чернышов С. А. Соотношение морализаторства и описательности в текстах Сибирских летописей (результаты сплошного цифрового анализа известных текстов) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республике Мордовия. 2023. Т. 15, № 1 (65). С. 62 — 80. EDN HEABKR

Original article

CORRELATION OF MORALISM AND DESCRIPTIVENESS IN THE TEXTS OF THE SIBERIAN CHRONICLES (the results of a continuous digital analysis of famous texts)

S. A. Chernyshov

National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia
1502911@mail.ru

Abstract

Introduction. The article discusses the results of a continuous digital corpus analysis of the Siberian Chronicles to answer the research question about the relationship between descriptive-narrative and conceptual-moralizing discourses in these texts. The potential of traditional methods for solving this research problem has been exhausted, consensus conclusions have long been made. However, a significant gap in modern Siberian studies is the lack of research related to the digital (mathematical) analysis of the texts of the Siberian Chronicles.

Materials and methods. The texts of the Siberian Chronicles from the classical edition prepared by the Imperial Archaeographic Commission in 1907 were taken as the basis for the study. The texts were digitized and subjected to technical processing. To systematize lexemes, we have developed a system of semantic categories based on traditional ideas about the structural and content characteristics of the Siberian chronicles.

Results and discussion. On the basis of a textometric analysis, which is carried out for the first time in relation to the Siberian Chronicles, it is concluded that this corpus of texts is mainly dominated by the narrative nature of the presentation, a restrained and balanced description of the characters (including the enemy) and events. In general, the frequency of descriptive lexemes and word forms in all chronicles (even the Remezov one) is 4—5 times higher than in religious and ideological ones, which allows us to correct the traditionally established idea of the structural and content nature of the Siberian Chronicles. There is no pronounced “statist” position in any of the groups of chronicles, even the term “tzar” is used in them more often in relation to Kuchum than to Ivan Vasilyevich and Fyodor Ivanovich combined. The Siberian Chronicles are not “Moscow-centric” texts, since none of the chronicles is dominated by these discourses.

Conclusion. A continuous digital corpus analysis of the Siberian Chronicles made it possible to draw several research conclusions, partly confirming and, at the same time, refuting the traditional discourses about the structural and content nature of these texts. In the context of the relationship between descriptiveness and moralism, the Siberian Chronicles can be generally characterized as texts of a descriptive nature, restrained and balanced in tone of narration, with some dominance of religious and church discourses in the Remezov Chronicle.

Keywords: Siberian chronicles, Ermak, Kuchum, Stroganovs, Russian conquest of Siberia, mathematical methods in history

Funding: The study was carried out within the framework of the Presidential grant of the Russian Federation for state support of young Russian scientists — PhD candidates МК-5529.2021.2 “The Russian Conquest of Siberia as a General Russian Discourse: a Digital Analysis of the Backbone Ideas of the Siberian Chronicles”.

For citation: Chernyshov SA. Correlation of Moralism and Descriptiveness in the Texts of the Siberian Chronicles. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(1):62—80. EDN HEABKR

Введение

Сибирские летописи — обобщенное название для совокупности текстов исторических повествований, в которых впервые было описано присоединение Сибири к Русскому государству¹. До сих пор этот массив текстов является, по существу, главным оригинальным источником, в котором последовательно излагаются обстоятельства и детали похода Ермака в Сибирь, военно-политическое противостояние казаков и отрядов Кучума, основание русских поселений за Уралом, дальнейшая судьба Сибирского ханства и аборигенного населения, другие ключевые события, связываемые с присоединением Западной Сибири к Русскому государству. В силу уникальности «Сибирских летописей», а также по причине интерпретационного значения отдельных произведений этот массив текстов традиционно привлекает исследователей в качестве оригинального источника.

Как принято считать, основные тексты Сибирских летописей были созданы не ранее 1630-х гг., т. е. они отстоят на 40 — 50 лет от описываемых событий. Кроме того, они возникали в контексте различных обстоятельств (например, в тобольской администрации или в вотчинах Строгановых), что традиционно является основанием для субъектно-ориентированного анализа с точки зрения отражения в них интересов Строгановых, московского правительства, местных тобольских (сибирских) элит, Церкви и иных субъектов коммуникативных практик.

Наконец, потенциал Сибирских летописей как интерпретирующих текстов интересен исследователям еще и потому, что время их создания связывается с периодом «расцвета особого типа исторической компиляции, когда главным приемом было составление исторических сборников, позволяющих сравнительно легко выстраивать из разных по содержанию и направленности сочинений единую „летопись“ [5, с. 115]. Сибирские летописи — образец текстов «фазового перехода» от традиционного дискретного летописания к внутренне единому, идеологически гармоничному, последовательному и цельному изложению описываемых событий. Одна из специфических черт такого подхода, который частично проявляется в Си-

¹ Летописи сибирские / сост. и общ. ред. Е. И. Дергачева-Скоп. Новосибирск, 1991. 272 с.

бирских летописях, — фиксация прагматических связей между событиями и их акторами, субъектный подход в летописании [9, с. 48].

Сибирские летописи имеют разный типологический характер: отдельные тексты являются летописно-историческими повестями, «историями о...», компиляциями летописно-хронологических сочинений и контекстов [8]. Для нашей темы важнее и другое обстоятельство: Сибирские летописи несут оттенок различных обстоятельств их создания и во многом ориентированы на субъектные характеристики и картину мира их авторов: представителей строгановских вотчин, московского правительства, региональных элит, «народа», церкви и т. д. Эти обстоятельства определяют актуальность изучения сибирского летописного свода как источника, к которому можно обратиться с теоретически неограниченным кругом исследовательских вопросов о первоначальном этапе присоединения Западной Сибири к Русскому государству.

Обзор литературы

Сибирские летописи являются досконально изученным традиционным историческим инструментарием источником. Как правило, выделяется несколько направлений (характеров) «Сибирских летописей»: официальное, церковное, приватное и др. Так, один из ключевых исследователей этого свода текстов Е. И. Дергачева-Скоп определяет три типологических блока: официальное, официозное и фольклорное (демократическое) летописание [8], имея в виду характер происхождения текстов от разных протографов. Другой классик сибиреведения С. В. Бахрушин особо выделял церковный типологический блок, связывая его с влиянием архиепископа Киприана на авторов первоначальных текстов всего сибирского летописного свода [1, с. 22]. Церковно-ориентированный и, шире, провиденциалистский характер Сибирских летописей в целом является традиционной характеристикой для этих текстов в работах классических исследователей. Например, Е. К. Ромодановская описывает не только Есиповский цикл Сибирских летописей как церковно-ориентированный (что в целом выступает консенсусом среди исследователей), но и определяет провиденциалистские задачи как ключевые для создателей всех текстов свода [14, с. 97]. Аналогично — через архетипические христианские мотивы — считают возможным интерпретировать не только созданную в Тобольской архиепископии Есиповскую летопись, но и в целом все Сибирские летописи (включая Кунгурскую и Ремезовскую) и другие авторы [15, с. 20].

С точки зрения традиционного подхода к изучению Сибирских летописей существует консенсус в отношении их структурно-типологических характеристик. Так, группу текстов Есиповской летописи принято считать примером официального тобольского (сибирского) летописания, созданного дьяком Саввой Есиповым и благословленного в официальную литературную традицию архиепископом Нектарием в 1636 г. [8]. Есиповские летописи в различных списках оцениваются как тексты прогосударственного и околоцерковного характера, «местное произведение», автор (авторы) которого хорошо знакомы с локальной топографией и вообще с «положением дел». Провиденциалистские задачи приписывают создателям всех Сибирских летописей [18, с. 20], но особенно — именно Есиповского цикла [14, с. 97].

Строгановская группа летописей рассматривается как «беллетризованные», «практически утратившие связь с летописной традицией» [8, с. 16] тексты, которые

были созданы, чтобы подчеркнуть роль Строгановых в присоединении Сибири к Русскому государству.

Ремезовская летопись — произведение, созданное на основе некоторого набора религиозно-моральных концепций, категорий «вера», «правда», имеющее целью поставить поход Ермака в один ряд с ключевыми фигурами отечественной истории. А механически включенный в Ремезовскую летопись «Кунгурский летописец», в свою очередь, фиксирует ранние устные легенды, народные воззрения о походе Ермака в Сибирь [11, с. 38], которые восходят чуть ли не к самим участникам «Сибирского взятия» [2, с. 16].

Таким образом, традиционно считается, что авторы Сибирских летописей решали несколько задач, в числе которых нам представляется особенно важным выделить две:

— описательную (собственно, летописание — изложение событий, дат, действий ключевых героев, топографические детали и т. д.);

— концептуально-морализаторскую (интерпретация через морально-религиозные, архетипические концепции происходящих событий и действий героев, вписывание действия в парадигмальные рамки с известными моральными выводами).

Понятно, что в каждом тексте, как правило, присутствуют характеристики решения той или иной задачи. Однако соотношение описательности и морализаторства в отдельных массивах, доминирование той или иной задачи в конкретных группах летописей представляет собой нетривиальную исследовательскую задачу, решение которой позволит интерпретировать характер текстов «Сибирских летописей». Данный исследовательский вопрос и является основной целью настоящей работы.

Традиционный подход к исследованию Сибирских летописей в целом дает развернутый ответ на указанный вопрос, определяя в отдельных сводах доминирование описательной или концептуально-морализаторской задачи. Необходимо признать, что потенциал традиционных способов решения указанной исследовательской задачи исчерпан, консенсусные выводы давно сделаны. Современные исследователи не рассматривают сами тексты Сибирских летописей как источник для поиска ответов на такого рода исследовательские вопросы, занимаясь отдельными узконаправленными аспектами. В этом смысле характерными являются работы Я. Г. Солодкина, который, используя тексты летописей, интерпретирует хронологические аспекты «Сибирского взятия» [17] или его отдельных эпизодов [16], Ю. С. Худякова, анализирующего, например, изображения воинов в Ремезовской летописи [19], и других авторов.

Однако существенным пробелом современного сибиреведения является отсутствие исследований, связанных с цифровым (математическим) анализом текстов «Сибирских летописей». Отдельные авторы лишь недавно стали использовать в отношении сибирского летописного свода технологии семантического анализа, основанного на цифровой машинной обработке данных. Таково, в частности, исследование, посвященное семантическому полю пространства в сибирских летописных текстах [10, с. 72]. Однако сплошному цифровому анализу Сибирские летописи не подвергались. Новизной нашего исследования является применение методов сплошного цифрового анализа известных летописных текстов для исследовательских задач, которые решались ранее исключительно традиционными методами.

Материалы и методы

В основе настоящего исследования лежат несколько методологических оснований. Прежде всего, мы исходим из субъектно-ориентированной концепции коммуникаций, согласно которой прошлое интерпретируется участниками коммуникационных актов одновременно с его ретроспективной трансформацией: «то, что не произошло, осмысливается как нечто невозможное, случайному же приписывается вес закономерного и неизбежного» [12, с. 32]. Данная ретроспективная трансформация происходит через систему коммуникаций, определяемую как «язык» [13, с. 15]. Формируемые таким образом смыслы оказываются настолько устойчивыми, что складываются в устойчивые ценностные ориентиры даже современной исторической памяти [20] – поэтому переоценивать их нельзя. Иными словами, в самих структурных характеристиках языка (например, в частотности употребления тех или иных словоформ, в их эмоциональной и смысловой окрашенности и т. д.) заложены основания для субъектно-ориентированной ретроспективной трансформации. Следовательно, такого рода «окрашенность» текстов можно измерить, проведя их числовой (цифровой) анализ. В этом смысле, используя терминологию, введенную известными специалистами в сфере цифровой гуманитаристики С. И. Корниенко и Д. А. Гагариной, цифровой анализ является «макроскопом» [6, с. 179] — обобщенным аналитическим инструментом решения исследовательских вопросов.

Математический анализ текстов, несмотря на известные ограничения, может претендовать на некоторую объективность и допускает возможность отказа от канона в пользу «цифровой» системы доказательств [6, с. 179]. В отечественной историографии пока не сложилась устойчивая терминология в названной области, и обычно этот инструментарий определяется как «лексикометрия» (1960-е гг.), или «текстометрия» (1990-е гг.), или в целом — текстометрический анализ (*analyse textométrique*) [4, с. 43].

Анализ отдельных летописных сводов проводился в нашей стране с 1970-х гг. Так, в 1970 г. вышла статья, в которой авторы на основе разработанной ими программы для ЭВМ поставили вопрос об определении авторства текстов летописей с помощью количественных методов анализа, сделав вывод о том, что, «несмотря на сложность древнерусских текстов, размытость авторских стиливых особенностей вследствие влияния жанров и литературных авторитетов, наличия редакторских вторжений, существует возможность выделения некоторых отдельных черт в языке отдельных писателей» [3, с. 323]. Однако Сибирские летописи до нашего исследования никогда не подвергались сплошному корпусному текстометрическому анализу, что дает возможность говорить о потенциальной оригинальности полученных таким образом результатов.

За основу для исследования были взяты тексты Сибирских летописей из классического издания, подготовленного Императорской археографической комиссией в 1907 г.² Данный сборник содержит 7 текстов группы Есиповской летописи (по Сычевскому списку, по списку Ундольского, по Абрамовскому списку, по

² Сибирские летописи / изд. Императорской археографической комиссии. СПб., 1907. 396 с.

Румянцевскому списку, по Погодинскому списку, по Бузуновскому списку, по Головинскому списку), 3 текста группы Строгановской летописи (по списку Спасского, по Толстовскому списку, в сокращении по Афанасьевскому списку), а также Ремезовскую летопись по Мировичеву списку. Так как в этом издании Кунгурская летопись механически включена в Ремезовскую, отдельно она анализировалась на основании работы Е. И. Дергачевой-Скоп по вычленению одного текста из другого [8].

Тексты были оцифрованы и подверглись технической обработке (удаление или замена букв старого алфавита, удаление технической информации и др.) и лемматизации (приведение слов в исходный вид согласно правилам современного русского языка). Лемматизация была осуществлена при помощи программного комплекса MyStem (<https://yandex.ru/dev/mystem/>). Анализ частотности лексических единиц (лексем) осуществлен при помощи программного комплекса Antconc. Для целей настоящего исследования в программном комплексе Antconc использовалась только одна функция — определение частотности лексем.

Для систематизации лексем нами была разработана система семантических категорий, в основе которой лежат традиционные представления о структурно-содержательных характеристиках Сибирских летописей. Эти категории позволяют, кроме прочего, искать ответы на вопросы о государственноцентризме и провиденциализме отдельных текстов, морализаторстве и идеологизированности текстов по отношению к «своим» и «чужим», осведомленности авторов отдельных текстов о географических и иных особенностях описываемой территории и т. д. (табл. 1).

Поскольку объем текстов летописей существенно различается (от 837 до 11 275 слов в отдельных списках после технической обработки), в исследовании была введена система относительных показателей, которые рассчитывались как доля лексемы/лексем в общем количестве слов в процентах, количество знаков после запятой округлялось до сотых.

Гипотеза, выдвинутая для решения поставленного в настоящей статье исследовательского вопроса, основана на критерии частотности употребления лексем и словоформ как инструмента для структурно-содержательного анализа текстов [7]. Если в том или ином тексте лексемы одной категории (например, «Религия и церковь») используются существенно чаще, чем в других, мы делаем вывод о более важном значении этой структурно-смысловой характеристики в данном тексте (в нашем примере текст оценивается как более «религиозно ориентированный»). И напротив: при структурной схожести текстов мы делаем вывод об их незначительных содержательных различиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Начнем анализ с базового вопроса: можно ли на основе сплошного цифрового анализа текстов выявить один из сводов Сибирских летописей как совокупность текстов с явно доминирующей религиозно-церковной ориентацией?

Из сводного анализа текстов (табл. 2) видно, что разница между отдельными сводами отличается кратно: так, в Ремезовской летописи (особенно без Кунгурской) частность лексем, связанных с религией, более чем в два раза выше, чем в Строгановских. Остальные же группы летописей отличаются в этой категории друг от друга незначительно.

Таблица 1. Система смысловых категорий, используемая для количественного анализа
Сибирских летописей

Категория	Подкатегория	Лексемы, встречающиеся хотя бы в одном из текстов 5 раз и более
Русское государство, народ и институты	Глава государства	Государь, государьский, государев, самодержец
	Институты государственности	Воевода, войско, воинство, дьяк, ясак, есак, вотчина, волость, грамота, острошки, крепости
	Принадлежность к Русскому государству или русскому народу	Россия, Русь, русский, российский, держава
Религия и церковь	Бог	Бог, Троица, господь, божий, Богородица, пречистая
	Люди церкви	Православный, христианин, христиан, христов, христианский, святой, пресвятой, святитель
	Церковь и церковная жизнь	Церковь, вера, молитва, икона
Топонимика	Названия поселений и территорий	Град, городок, город, Сибирь, Сибирский, Москва, Тоболск, Тоболск, Кашлык, Пермский, Пермь
	Гидронимы	Река, Иртыш, Обь, Тобол, Вагай, Тавда, Волга, поволский, волский, Чюсовой, Пелым, Чердынь, Кама, Устье
	Иные природные объекты	Гора, Камень, Чюшавеш
Оценочная терминология	Позитивная коннотация	Благочестивый, мудрость, мудрый, слава, честь, честный, храбрый, храбрость, богатство
	Негативная коннотация	Поганный, погань, окаянный, безбожный, нечестивый
Аборигенные государства, народы и институты	Отдельные персоны	Кучум, Маметкул, Сейдяк, Жена (Кучума)
	Институты государственности	Царство, салтан, карача, карачи, царевич, царевичь, мурза, посол, орда, улус, бусурман, бусурманский
	Принадлежность к аборигенным государствам или народам	Татарин, тотар, остяк, остяцкий, самоедец, вогулич, бухарц
Народ	Отдельные персоны	Ермак, Ермаков, атаман, атаманов
	Сообщества	Казак, казачий, козак, казац, дружина, товарищ, людие
Отдельные личности		Кучум, Ермак, Ермаков, Сейдяк, Строганов (Максим, Никита, Григорий, Семен...), Чингис, Маметкул
События и действия	Передвижения	Придош, поидош, идти, доидош, прида, идеж, идти, приход, пришед, побегош, пришествие и т. п., бегство, бежать, становиться, стоять, возвратишась, возвращаться, ехать, приезжать, ездить, волочь
	Боевые действия, акты насилия	Побивать, поби, воевать, взяш, взять, покорять, бой, нападош, побеждать, победа, одолеша, убиение, убивать, убиша, погребош, отпускать
	Акты коммуникаций, взаимодействия и восприятия	Реча, слышать, сказаша, глаголать, сказать, вид, видеть, видение, видевший
	Властные действия	Пожаловать, посылать, присылать, повела, повеление, велеть
	Созидательные действия	Поставиша, поставлять

Table 1. The system of semantic categories used for the quantitative analysis
of the Siberian Chronicles

Category	Subcategory	Tokens that occur at least in one of the texts 5 times or more
Russian state, people and institutions	Head of state	Sovereign, sovereign, sovereign, autocrat
	State institutions	Governor, army, army, clerk, yasak, esak, patrimony, volost, charter, islands, fortresses
	Belonging to the Russian state or the Russian people	Russia, rus, russian, russian, power
Religion and Church	God	God, trinity, Lord, divine, Mother of God, pure
	Church people	Orthodox, christian, christian, christian, christian, saint, most holy
	Church and church life	Church, faith, prayer, icon
Toponymy	Names of settlements and territories	Grad, town, city, Siberia, Siberian, Moscow, Tobolsk, Tobolsk, Kashlyk, Perm, Perm
	Hydronyms	River, Irtysh, Ob, Tobol, Vagai, Tavda, Volga, Povolsky, Volsky, Chusovoy, Pelym, Cherdyn, Kama, Mouth
	Other natural objects	Mountain, Stone, Chuvash
Appraisal terminology	Positive connotation	Pious, wisdom, wise, glory, honor, honest, brave, bravery, wealth
	Negative connotation	Filthy, trash, accursed, godless, wicked
Aboriginal states, peoples and institutions	Individuals	Kuchum, Mametkul, Seydyak, Wife (Kuchuma)
	State institutions	Kingdom
	Belonging to Aboriginal States or Peoples	Tatar, Tatar, Ostyak, Ostyatsky, Samoyed, Vogulich, Bukhara
People	Individuals	Ermak, Ermakov, ataman, atamanov
	Communities	Cossack, Cossack, Cossack, Cossack, squad, comrade, people
Separate personalities		Kuchum, Ermak, Ermakov, Seydyak, Stroganov (Maxim, Nikita, Grigory, Semyon...), Genghis, Mametkul
Events and actions	Movement	Come, poidosh, go, doidosh, come, go, go, come, come, run away, come, etc., escape, run, become, stand, return, return, go, come, go, drag
	Fighting, acts of violence	Beat, beat, fight, take, take, conquer, fight, attack, win, win, overcome, kill, kill, kill, slaughter, let go
	Acts of communication, interaction and perception	Speech, hear, saying, verb, say, sight, see, vision, seen
	Power actions	To send, to send, to send, led, command, order
	Creative Actions	Put, supply

Таблица 2. Частотность лексем в категории «Религия и церковь»

Table 2. Frequency of lexemes in the category "Religion and Church"

Категория и подкатегории / Category and subcategories	Группа Есиповской летописи (среднее значение) / Group of the Esipov Chronicle (average value)	Кунгурская летопись / Kungurskaya Chronicle	Ремезовская летопись (без Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (without Kungurskaya)	Ремезовская летопись (с Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (with Kungurskaya)	Группа Строгановской летописи (в среднем) / Group of the Stroganov Chronicle (average)
<i>Религия и церковь / Religion and Church</i>	1,23	0,88	2,04	1,42	0,93
Бог / God	0,71	0,62	1,18	0,85	0,68
Бог, троица, господь / God, trinity, lord	0,50	0,36	0,86	0,57	0,62
Божий / God's	0,21	0,22	0,12	0,18	0,06
Богородица, пречистая / Mother of God, I purify		0,04	0,20	0,10	
Люди церкви / Church people	0,45	0,17	0,61	0,35	0,20
Православный, христианин, христиан, христов, христианский / Orthodox, christian, christian, christian, christian	0,32	0,07	0,18	0,11	0,09
Святой, пресвятой, святитель / holy, holy, saint	0,13	0,10	0,43	0,24	0,11
Церковь и церковная жизнь / Church and church life	0,07	0,09	0,25	0,22	0,05
Церковь / Church	0,03	0,06	0,05	0,06	0,02
Вера / Faith	0,03			0,06	0,03
Молитва / Prayer	0,01	0,03	0,11	0,06	
Икона / Icon			0,09	0,04	

Идеологизированность текстов Сибирских летописей можно проанализировать прежде всего через оценочную терминологию. Гипотеза здесь довольно простая: чем больше текст является идеологизированным, тем больше его автор должен

уходить от объективно-описательных лексем в пользу оценочной терминологии. Анализируя долю оценочной (как негативной, так и позитивной) терминологии (табл. 3), можно сделать вывод о схожей идеологизированности Есиповской и Строгановской групп летописей (в основном за счет негативной коннотации в отношении «чужого») и практически нейтральном характере Кунгурской летописи, где негативная и позитивная коннотация почти не используется. При этом любопытно, что наиболее идеологизированным текстом по отношению к обличению «чужого»

Таблица 3. Частотность лексем в категории «Оценочная терминология»
Table 3. The frequency of lexemes in the category “Evaluative terminology”

Категория и подкатегории / Category and subcategories	Группа Есиповской летописи среднее значение) / Group of the Esipov Chronicle (average value)	Кунгурская летопись / Kungurskaya Chronicle	Ремезовская летопись (без Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (without Kungurskaya)	Ремезовская летопись (с Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (with Kungurskaya)	Группа Строгановской летописи (в среднем) / Group of the Stroganov Chronicle (average)
Оценочная терминология / Appraisal terminology	0,70	0,23	0,57	0,37	1,02
Позитивная коннотация / Positive connotation	0,09	0,15	0,50	0,30	0,26
Благочестивый / Pious	0,09				0,07
Мудрость, мудрый / Wisdom, wise			0,21	0,09	
Слава / Glory		0,01	0,11	0,06	
Честь, честный / Honor, honest		0,05	0,11	0,07	0,04
Храбрый, храбрость / Brave, courage					0,15
Богатство / Wealth		0,09	0,07	0,08	
Негативная коннотация / Negative connotation	0,61	0,08	0,07	0,07	0,76
Поганый, погань / Filthy, filthy	0,49	0,08	0,07	0,07	0,46
Окаянный / Cursed	0,02				0,15
Безбожный / Godless	0,02				0,12
Нечестивый / Unholy	0,08				0,03

является Есиповская летопись, которая со доминирующей негативной коннотацией словно бы целиком направлена на обличение врагов русских в деле присоединения Сибири.

Отдельный вопрос — об идеологизированности Сибирских летописей в части их государственноцентричности или расстановки акцентов в пользу отдельных героев, например Ермака. Эта проблема сводится к анализу частотности лексемы «Ермак» в отдельных сводах летописей и описания роли царской власти (употребление лексики «царь») в присоединении Сибири.

Если анализировать частотность словоформы «Ермак» в отдельных текстах Сибирских летописей, то мы увидим относительно равномерное распределение во всех текстах. Только в Кунгурской летописи лексема «Ермак» и производные от нее этой употребляются существенно чаще, чем в остальных текстах (табл. 4), однако это доминирование не критическое — сравним с двукратным превосходством Ремезовской летописи в употреблении религиозной терминологии по отношению к другим летописям.

Таблица 4. Частотность лексем в категории «Отдельные личности»

Table 4. The frequency of lexemes in the category “Individuals”

Подкатегории / Subcategories	Группа Есиповской летописи (в среднем) / Group of the Esipov Chronicle (average value)	Кунгурская летопись / Kungurskaya Chronicle	Ремезовская летопись (без Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (without Kungurskaya)	Ремезовская летопись (с Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (with Kungurskaya)	Группа Строгановской летописи (в среднем) / Group of the Stroganov Chronicle (average)
Кучум / Kuchum	0,65	0,73	0,34	0,56	0,33
Ермак, Ермаков / Ermak, Ermakov	0,75	1,11	0,46	0,84	0,58
Сейдяк / Seidyak	0,21		0,20	0,08	
Строганов (Максим, Никита, Григорий, Семен...) / Stroganov (Maxim, Nikita, Grigory, Semyon...)	0,13	0,13		0,07	0,35
Чингис / Genghis	0,12				
Маметкул / Mametkul	0,19	0,09		0,05	0,20

В свою очередь, титул «царь» в Сибирских летописях употребляется чаще по отношению к Кучуму, чем к Ивану Васильевичу и Федору Ивановичу вместе взятым. Это любопытная деталь, учитывая, что в дальнейшей переписке с сибирскими воеводами по отношению к местным правителям будет употребляться почти исключительно уничижительное слово «князец» вместо «князь» (табл. 5). Это говорит о том, что если авторы Сибирских летописей и ставили перед собой задачу идео-

логизированного представления о «Сибирском взятии», то в их планы точно не входило оспаривание прав Кучума на царствование, и в целом — подчеркнуто уничтожительное отношение к сибирскому правителю.

Таблица 5. Конкордансы термина «царь» в Сибирских летописях*

Table 5. Concordances of the term “king” in the Siberian Chronicles

Летопись и список / Annals	Кучум / Kuchum	Иван Васильевич / Ivan Vasilievich	Федор Иванович / Fedor Ivanovich
Есиповская по Абрамовскому списку / Esipovskaya according to the Abramovsky list	34	9	3
Есиповская по Бузуновскому списку / Esipovskaya according to the Buzunovsky list	51	17	
Есиповская по Головинскому списку / Esipovskaya according to the Golovinsky list	7	5	3
Есиповская по Погодинскому списку / Esipovskaya according to the Pogodinsky list	48	6	3
Есиповская по Румянцевскому списку / Esipovskaya according to the Rumyantsev list	12	4	2
Есиповская по Ундольскому списку / Esipovskaya according to the Undol list	71	12	4
Есиповская по Сычевскому списку / Esipovskaya according to the Sychevsky list	47	11	2
Кунгурская / Kungurskaya	7	5	1
Ремезовская (без Кунгурской) / Remezovskaya (without Kungurskaya)	1	1	1
Ремезовская (с Кунгурской) / Remezovskaya (with Kungurskaya)	8	6	2
Строгановская в сокращении по Афанасьевскому списку / Stroganovskaya in abbreviation according to the Afanasiev list	5	5	1
Строгановская по списку Спасского / Stroganovskaya according to Spassky's list	40	22	3
Строгановская по Толстовскому списку / Stroganovskaya according to the Tolstoy list	38	39	5

* В табл. 5, в отличие от прочих, приведены абсолютные, а не относительные значения упоминаний лексемы «царь».

* Note: in this table 5, unlike others, the absolute, and not the relative values of the mentions of the lexeme “king”.

Наконец, проверим еще одну гипотезу — о Сибирских летописях как о «москвоцентричных» текстах, которые интерпретируют «Сибирское взятие» через призму своего рода имперской политики Московского правительства (табл. 6). Сравнивая категории «Русское государство, народ и институты» и «Аборигенные государства, народы и институты», мы не видим ни в одной из групп Сибирских летописей доминирования москвоцентричных дискурсов. Только в группе Строгановской летописи о Русском государстве и об аборигенных политических образованиях упоминается с одинаковой интенсивностью, тогда как в остальных текстах доминируют упоминания

Таблица 6. Частотность категорий и подкатегорий «Русское государство, народ и институты» и «Аборигенные государства, народы и институты»

Table 6. Frequency of categories and subcategories “Russian state, people and institutions” and “Aboriginal states, peoples and institutions”

Категория и подкатегории / Category and subcategories	Группа Есиповской летописи (в среднем) / Group of the Esipov Chronicle (average value)	Кунгурская летопись / Kungurskaya Chronicle	Ремезовская летопись (без Кунгур- ской) / Remezovskaya Chronicle (without Kungurskaya)	Ремезовская летопись (с Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (with Kungurskaya)	Группа Строгановской летописи (в среднем) / Group of the Stroganov Chronicle (average)
<i>Русское государство, народ и институты / Russian state, people and institutions</i>	1,25	1,12	0,71	0,95	1,90
Глава государства / Head of state	0,42	0,13	0,20	0,16	0,78
Институты государственности / State institutions	0,53	0,66	0,44	0,57	0,68
Принадлежность к Русскому государству или русскому народу / Belonging to the Russian state or the Russian people	0,30	0,33	0,07	0,22	0,44
<i>Аборигенные государства, народы и институты / Aboriginal states, peoples and institutions</i>	2,80	2,23	1,48	1,92	1,92
Отдельные персоны / Individuals	0,94	1,02	0,57	0,83	0,59
Институты государственности / State institutions	1,44	0,88	0,73	0,82	0,84
Принадлежность к аборигенным государствам или народам / Belonging to Aboriginal States or Peoples	0,42	0,33	0,18	0,27	0,49

нения аборигенных государств. Скажем, во всех текстах гораздо чаще упоминаются институты государственности Сибирского ханства и сопредельных политических образований, нежели Русского государства. В этом смысле мы не можем подтвердить традиционный дискурс о том, что отдельные тексты Сибирских летописей государствоцентричны. Если уж и считать их таковыми, то «государствоцентричность» сосредоточена вокруг Сибирского ханства, а не вокруг Москвы.

Отдельные тексты Сибирских летописей характеризуются как «описательные», а отдельные — как ориентированные на идеологизированный морально-религиозный контекст событий. Это утверждение цифровыми методами можно проверить, сравнив соотношение категорий «События и действия» и «Топонимика», с одной стороны (при доминировании этих категорий мы охарактеризуем текст как преи-

мущественно описательный), а также «Религия и церковь» и «Оценочная терминология» — с другой (при доминировании этих категорий текст может считаться преимущественно концептуально-морализаторским). Полученные данные по частотности данных категорий и их подкатегорий приведены в табл. 7.

Таблица 7. Частотность категорий и подкатегорий, характеризующих описательный и концептуально-морализаторский характер текстов Сибирских летописей

Table 7. The frequency of categories and subcategories characterizing the descriptive and conceptual and moralizing nature of the texts of the Siberian Chronicles

Категория и подкатегории / Category and subcategories	Группа Есиповской летописи (в среднем) / Group of the Esipov Chronicle (average value)	Кунгурская летопись / Kungurskaya Chronicle	Ремезовская летопись (без Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (without Kungurskaya)	Ремезовская летопись (с Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (with Kungurskaya)	Группа Строгановской летописи (в среднем) / Group of the Stroganov Chronicle (average)
События и действия / Events and actions	1,80	2,93	1,78	2,50	2,50
Передвижения / Movement	0,71	0,88	0,62	0,77	0,96
Боевые действия, акты насилия / Fighting, acts of violence	0,54	1,20	0,59	0,94	0,54
Акты коммуникаций, взаимодействия и восприятия / Acts of communication, interaction and perception	0,32	0,74	0,32	0,55	0,31
Властные действия / Power actions	0,16	0,10	0,16	0,19	0,49
Созидательные действия / Creative Actions	0,07	0,01	0,09	0,05	0,20
Топонимика / Toponymy	5,04	3,38	2,01	2,64	4,00
Названия поселений и территорий / Names of settlements and territories	3,03	1,55	1,51	1,54	2,87
Гидронимы / Hydronyms	1,95	1,55	0,39	0,90	1,13
Иные природные объекты / Other natural objects	0,06	0,28	0,11	0,20	
Религия и церковь / Religion and Church	1,23	0,88	2,04	1,42	0,93
Бог / God	0,71	0,62	1,18	0,85	0,68
Люди церкви / Church people	0,45	0,17	0,61	0,35	0,20
Церковь и церковная жизнь / Church and church life	0,07	0,09	0,25	0,22	0,05
Оценочная терминология / Appraisal terminology	0,70	0,23	0,57	0,37	1,02
Позитивная коннотация / Positive connotation	0,09	0,15	0,50	0,30	0,26
Негативная коннотация / Negative connotation	0,61	0,08	0,07	0,07	0,76

Из табл. 7 можно сделать несколько выводов. Если говорить про описательный характер летописей как совокупность «знаний» авторов о локальной топонимике и внимании к событиям и действиям акторов «Сибирского взятия», мы не сможем выделить явно доминирующую группу «Сибирских летописей». С одной стороны, в категории «Топонимика» явно доминируют Есиповская и Строгановская летописи, причем это доминирование является существенным по отношению к Ремезовской летописи (особенно без Кунгурской). С другой стороны, летописи почти одинаковое внимание уделяют событиям и действиям — по данным цифрового анализа невозможно сказать о том, что какая-то из групп летописей существенно больше внимания уделяет собственно описательной, а не интерпретационной стороне событий. В этом смысле вывод может быть сформулирован следующим образом: все авторы Сибирских летописей уделяют сравнительно одинаковое внимание описательной части текста, при этом Ремезовская летопись менее внимательна к локальной топонимике.

Если же сравнивать частотность «описательных» и «концептуально-морализаторских» категорий, то выводы будут еще более однозначными. Для наглядности выделим сумму значений частотности лексем этих категорий в отдельную табл. 8 с интегрированными показателями.

Таблица 8. Интегрированные показатели описательности и морализаторства в текстах отдельных групп Сибирских летописей

Table 8. Integrated indicators of descriptiveness and moralizing in the texts of individual groups of Siberian Chronicles

Интегрированные показатели частотности лексем отдельных категорий / Integrated indicators of the frequency of lexemes of individual categories	Группа Есиповской летописи (в среднем) / Group of the Esipov Chronicle (average value)	Кунгурская летопись / Kungurskaya Chronicle	Ремезовская летопись (без Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (without Kungurskaya)	Ремезовская летопись (с Кунгурской) / Remezovskaya Chronicle (with Kungurskaya)	Группа Строгановской летописи (в среднем) / Group of the Stroganov Chronicle (average)
Описательные категории («Топонимика» + «События и действия») / Descriptive categories (“Toponymy” + “Events and actions”)	6,84	6,31	3,79	5,14	6,50
Концептуально-морализаторские категории («Религия и церковь» + «Оценочная терминология») / Conceptual and moralizing categories (“Religion and the Church” + “Evaluative terminology”)	1,93	1,11	2,61	1,79	1,95

Из табл. 8 видно, что для авторов всех групп Сибирских летописей существенно большее значение имеет описательный акцент текстов: его частотность превышает

аналогичный показатель концептуально-морализаторских категорий в 4—5 раз. Даже в Ремезовской летописи (без Кунгурской), где этот показатель не такой высокий, частотность «описательных» категорий все равно почти в два раза больше частотности концептуально-морализаторских. Таким образом, с точки зрения текстостроения даже текст Ремезовской летописи является преимущественно описательным, нежели морализаторским.

Заключение

Сплошной цифровой корпусный анализ Сибирских летописей позволил сделать несколько исследовательских выводов, отчасти подтвердив, а отчасти и опровергнув традиционные дискурсы о структурно-содержательном характере этих текстов. Нами был поставлен исследовательский вопрос о соотношении описательности и морализаторства (идеологизированного и религиозного) в отдельных группах Сибирских летописей, на который мы постарались ответить под несколькими углами зрения.

Цифровой анализ текстов подтверждает церковно-религиозную ориентацию Ремезовской летописи — без Кунгурской частотность тематических лексем в ней в два раза выше, чем в других группах летописей. Анализируя долю оценочной (как негативной, так и позитивной) терминологии, можно сделать вывод об идентичной идеологизированности Есиповской и Строгановской групп летописей, при этом Есиповская группа летописей отличается наибольшей негативной идеологизированностью из всех текстов. Ярко выраженной «государственнической» позиции нет ни в одной группе летописей, даже термин «царь» употребляется в них чаще по отношению к Кучуму, чем к Ивану Васильевичу и Федору Ивановичу вместе взятым. Не являются Сибирские летописи и «москвоцентричными» текстами — ни в одной из летописей нет доминирования этих дискурсов. Наконец, хотя среди других групп с точки зрения доминирования концептуально-морализаторских дискурсов Ремезовская летопись и немного выделяется, но в целом авторы текстов Сибирских летописей существенно большее значение отдают описательным акцентам, частотность которых в 4 — 5 раз превышает религиозные и идеологические мотивы.

Таким образом, в контексте соотношения повествовательности и морализаторства Сибирские летописи можно охарактеризовать в целом как тексты описательного характера, сдержанные и сбалансированные по тону повествования, с некоторым доминированием религиозно-церковных дискурсов в Ремезовской летописи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 1. 375 с.
2. Блажес В. В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург: Изд-во Урал-ун-та, 2002. 186 с.
3. Бородкин Л. И., Милов Л. В., Морозова Л. Е. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 298 — 326.
4. Власенко Н. А., Кузьминская Н. Л., Максименко А. А. Текстостроительные исследования многоязычных научных текстов // Управляющие системы и машины. 2009. № 2. С. 43 — 47.

5. Вовина-Лебедева В. Г. К истории летописных сборников XVII — XVIII вв. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, № 12. С. 109 — 116.
6. Гагарина Д. А., Корниенко С. И. Цифровая оптика: микро и макро в историческом исследовании // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3 (49). С. 175 — 184.
7. Гарскова И. М. Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии // История: электрон. науч.-образоват. журн. 2015. Т. 6, вып. 8 (41). URL: <http://history.jes.su/s207987840001255-9-1> (дата обращения: 20.11.2022).
8. Дергачева-Скоп Е. И. Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI — середины XVIII в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000. 50 с.
9. Журова Л. И. Функции начала и конца повествования в Сибирских летописях (группа Есиповской летописи) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 47 — 52.
10. Инютина Л. А. Лексическая репрезентация представления о покорении Сибири в летописных текстах XVII — XVIII веков // Научный диалог. 2018. № 3. С. 62 — 75.
11. Катаргина М. Н. Литературная история Кунгурской летописи // Дергачевские чтения—96. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: тез. докл. и сообщений науч. конф., Екатеринбург, 23—24 мая 1996 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 38 — 40.
12. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
13. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
14. Ромодановская Е. К. Сибирь и литература XVII века. Избранные труды. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2002. 390 с.
15. Ростовцева Ю. А. Сибирские летописи в контексте библейской традиции: история Ермака как христианский археосюжет // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 19 — 22.
16. Солодкин Я. Г. Окончательный разгром Кучума (1598 г.) в Сибирской летописной традиции // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2015. № 4. С. 23 — 28.
17. Солодкин Я. Г. Хронология «Сибирского взятия» в русском летописании конца XVI — XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 52 — 57.
18. Урушадзе А. Т. Что такое Россия? Разнообразие как способ описания Российской империи // Новое прошлое = The New Past. 2019. № 2. С. 8 — 18. DOI: <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2019-2-8-18>
19. Худяков Ю. С. Анализ исторических сведений и изображений сибирских татарских воинов на миниатюрах Ремезовской летописи // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 205 — 212.
20. Шумкова Н. В. Конфликтующие нарративы в исторической памяти современной российской молодежи // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республике Мордовия. 2019. № 4 (52). С. 145 — 155.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 14.01.2023; принята к публикации 19.01.2023.

Информация об авторе:

Сергей Андреевич Чернышов, старший научный сотрудник Факультета исторических и политических наук НИ ТГУ (634050, Россия, г. Томск, ул. Ленина, 36), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>, 1502911@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bakhrushin SV. Scientific Works. Moscow;1955;3:1. (In Russ.)
2. Blazhes VV. Folklore of the Urals: Folk Story about Yermak. Yekaterinburg; 2002. (In Russ.)
3. Borodkin LI, Milov LV, Morozova LE. To the Question of the Formal Analysis of the Author's Features of Style in the Works of Ancient Rus'. *Mathematical Methods in Historical-Economic and Historical-Cultural Studies*. Moscow;1970;298—326. (In Russ.)
4. Vlasenko NA, Kuzminskaya NL, Maksimenko AA. Textometric Studies of Multilingual Scientific Texts. *Control Systems and Machines*. 2009;43—47. (In Russ.)
5. Vovina-Lebedeva VG. On the History of Chronicle Collections of the 17th — 18th Centuries. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser. History, Philology*. 2012;12:109—116. (In Russ.)
6. Gagarina DA, Kornienko SI. Digital Optics: Micro and Macro in Historical Research. *Bulletin of the Perm University. History*. 2019;(3):175—184. (In Russ.)
7. Garskova IM. New Trends in Computerized Text Analysis: Concepts, Methods, Technologies. *History*. 2015;6;(8). URL: <http://history.jes.su/s207987840001255-9-1> (In Russ.)
8. Dergacheva-Skop EI. Siberian Chronicle in the All-Russian Literary Context of the Late 16th — Mid-18th Centuries. *Abstrakt Dis. ... Dr. Philol. Sci.* Yekaterinburg;2000. (In Russ.)
9. Zhurova LI. Functions of the Beginning and End of the Narrative in the Siberian Chronicles (Group of the Espov Chronicle). *Humanities in Siberia*. 2016;23(3):47—52. (In Russ.)
10. Inyutina LA. Lexical Representation of the Concept of the Conquest of Siberia in the Annals of the XVII — XVIII Centuries. *Scientific Dialogue*. 2018;(3):62—75. (In Russ.)
11. Katargina MN. Literary History of the Kungur Chronicle. *Dergachev Readings-96. Russian Literature: National Development and Regional Features*. Abstract Report and Messages Scientific Conferences. Yekaterinburg;1996;38—40. (In Russ.)
12. Lotman YuM. Culture and Explosion. Moscow;1992. (In Russ.)
13. Lotman YuM. The Structure of a Literary Text. Moscow;1970. (In Russ.)
14. Romodanovskaya EK. Siberia and Literature of the 17th Century. Selected Works. Novosibirsk;2002. (In Russ.)
15. Rostovtseva YuA. Siberian Chronicles in the Context of the Biblical Tradition: the History of Yermak as a Christian Archeological Plot. *Bulletin of the Tomsk State University*. 2011;(343):19—22. (In Russ.)
16. Solodkin YaG. The Final Defeat of Kuchum (1598) in the Siberian Chronicle Tradition. *Bulletin of the Nizhnevartovsk State University*. 2015;(4):23—28. (In Russ.)
17. Solodkin YaG. Chronology of the “Siberian Capture” in the Russian Chronicle of the End of the 16th—17th Centuries. *Ancient Rus'. Questions of medieval studies*. 2011;(4):52—57. (In Russ.)
18. Urushadze AT. What is Russia? Diversity as a Way to Describe the Russian Empire. *Novoe Proshloe = The New Past*. 2019;(2):8—18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2019-2-8-18>
19. Khudyakov YuS. Analysis of Historical Information and Images of Siberian Tatar Warriors on Miniatures of the Remezov Chronicle. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser. History, Philology*. 2013;12(7):205—212. (In Russ.)
20. Shumkova NV. Conflicting Narratives in the Historical Memory of Modern Russian Youth. *Bulletin of the Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019;(4):145—155. (In Russ.)

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 14.01.2023; accepted for publication 19.01.2023.

Information about the author:

Sergey A. Chernyshov, Senior Researcher, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (36 Lenina Str., Tomsk 634050, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>, 1502911@mail.ru

Conflict of interest: the author declare no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.